

УДК 82-32
ББК 84-44

О.О. Пичугина

**РОЛЬ ЛЕЙТМОТИВА
В ВОЗРАСТНОЙ АДРЕСАЦИИ
В РАССКАЗАХ
В.Ю. ДРАГУНСКОГО
«Рабочие дробят камень»,
«Тайное становится
явным»**

Рассмотрена лейтмотивная структура рассказов В.Ю. Драгунского для детей. Цель статьи – выявить источники лейтмотивов в рассказах, а также определить их роль в организации повествования, конфликта, жанра. Данный анализ привел к выводам о сложной адресации рассказов писателя: с одной стороны детской, с другой – дифференцированной взрослой адресации, в чем и заключается новаторский характер художественной коммуникации в рассказах В.Ю. Драгунского.

Ключевые слова: *адресация, В.Ю. Драгунский, читатель, лейтмотив, художественная коммуникация*

Пичугина Ольга Олеговна – аспирант кафедры русской литературы и журналистики XX – XXI вв. филологического факультета Московского педагогического государственного университета

E-mail: Hellga495@yandex.ru
Тел.: 8-926-751-35-52

Рассказы В.Ю. Драгунского для детей, при видимой простоте сюжетов и ясности тем, осложнены лейтмотивами, организующими повествование, в центре которого – «взрослый» конфликт. Эти лейтмотивы косвенно влияют на жанровую природу, организуя подтекстовый смысл и усложняя адресацию произведения. На уровне лейтмотива автор передает юному читателю «взрослые» ценности, транслирует духовный опыт своего поколения в той части этого опыта, которая по каким-либо причинам не может быть выражена прямо – в сюжетно-образной системе и открытом авторском назидании. Рассказы В.Ю. Драгунского «Тайное становится явным» и «Рабочие дробят камень» – не единственные примеры из его новеллистики, в которых лейтмотив несет повышенную функциональную нагрузку в возрастной адресации, но одни из самых показательных в этом плане.

Рукопись рассказа «Рабочие дробят камень» датирована 5 октября 1964 г. (личный архив Драгунского)¹. Публикация состоялась через девять месяцев, 27 июля 1965 г. в «Литературной газете» [Драгунский, 1965, с. 2]. Действие в рассказе происходит в Москве на водной станции «Динамо». Фабульное напряжение создает кульминационный эпизод – прыжок главного героя с 10-метровой вышки.

Сюжет перекликается с хрестоматийным детским рассказом Л.Н. Толстого «Прыжок», с теми же мотивами насмешек окружающих над мальчиком, преодоления страха с риском для жизни. В тол-

стовском рассказе мальчика заставляет прыгнуть отец, наставив заряженное ружье на ребенка, который иначе мог бы разбиться о палубу. Это рассказ остродраматический, с сильнейшим психологическим конфликтом. В подтексте – ошибка мальчика (дурное влияние насмешливой и глупой толпы), исправление ошибки – через приказ отца. Здесь рискуют оба – отец и сын. В рассказе В.Ю. Драгунского папа как будто остался за текстом, но фабула столь же остродраматична, что и в «Прыжке».

Единственный раз при жизни автора рассказ появился с заголовком «Десять метров над водой» – в сборнике «Похититель собак» («Советская Россия», М., 1966). Такой вариант заголовка более точно отражает содержание произведения и «вписывается» в поэтику заглавий В.Ю. Драгунского (например, рассказ «Ровно 25 кило»). Однако именно заголовок «Рабочие дробят камень» закрепился за рассказом. Он акцентирует внимание читателя на второстепенном элементе, никак не связанном с сюжетом, в нем есть элементы интриги, озадачивающие читателя вопросом о функции этого мелкого лейтмотива.

К 60-м годам станция «Динамо» – центр водно-спортивной жизни страны, образец советской архитектуры, популярное у молодежи место отдыха. Возведение станции по проекту архитектора Г.Я. Мовчана начато в 1933 г. в составе масштабной стройки химкинского водохранилища канала им. Москвы силами заключенных Дмитлага: «Одновременно с каналом заключенные Дмитлага строили два закрытых аэродрома под Подольском, а в самой Москве – спортивный комплекс «Динамо», Северный и Южный речные порты, жилые дома в Москве для начсостава ОГПУ-НКВД. Все это были отделения и лагпункты Дмитлага»[Федоров, URL].

Возможно, именно мотив лагерного труда подтолкнул автора к выбору заголовка. Дробление камней – обычное дело для промышленно-гражданского строительства. Переосмысление лагерного труда – неотъемлемая часть духовного опыта общества, глотнувшего свободы в «оттепель» и не расставшегося с нею в годы реакции, о чем неоднократно упоминают в своей книге Р.Д. Орлова и Л.З. Копелев [Копелев, Орлова], друзья В.Ю. Драгунского². Добавим, что рассказ А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», опубликованный в одиннадцатом номере журнала «Новый мир» за 1962 г., уже широко известен читающей публике.

Помимо возможной толстовской аллюзии, прыжок Дениски напоминает описание прыжка с вышки в романе В.П. Катаева «Время, вперед» (1932)³. Полагаем, что такая аллюзийная ссылка не случайна и акцентирует внимание читателя на важнейшем в советской литературе мотиве коллективного труда. Этот мотив усиливается лейтмотивом звука стеклянных молоточков, с которым Дениска метафорически соотносит доносящийся до него стук дробления камней рабочими. Лейтмотив встречается в тексте четыре раза, словно отмечая сюжетные вехи: экспозицию, первую из трех попытку прыжка, сам прыжок и финал про-

изведения. Приведем эти фрагменты, опубликованные в «Литературной газете» [Драгунский, 1965, с. 2 – 3]:

«Хорошо так лежать и молчать, и загорать, раскинув руки; и смотреть из-под локтя, как недалеко от станции, чуть-чуть повыше по течению, рабочие каменщики чинят набережную и бьют по розовому камню молотками, и звук долетает до тебя немножко позже удара. Такой тонкий и нежный, как будто кто-то играет легонькими молоточками на серебряном ксилофоне».

«...а тут, на площадке, шумит ветер, шумит, не шутя, как буря, того и гляди, сдует тебя с этой вышки. И совсем не слышно, как рабочие дробят камень, ветер заглушает их стеклянные молоточки».

«Хотя мне-то плохо уже не будет, меня в живых не будет, я не увижу больше неба и не услышу, как рабочие нежно дробят камень на набережной!»

«А я лежал и слушал, как рабочие бьют молотками по розовому камню. Звук долетал сюда слабо, нежно и робко, как будто кто-то играл легонькими молоточками на серебряном ксилофоне».

«Легонький» стук молоточков, которые настойчиво сопровождают фабульную канву, связанную с прыжком, практически «заглушает» основное повествование. Возможный источник этого лейтмотива – в прозе А.П. Чехова. Герой-повествователь в рассказе «Крыжовник» произносит слова, ставшие расхожей цитатой: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стряется беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других» [Чехов, с. 64]. Стук молоточков, который слышит Дениска, вместе с чеховской аллюзией позволяет предположить, что автор, кроме очевидного смысла трусости/смелости, поднимает проблему нравственной, социальной «глухоты», он доверяет своему герою – маленькому Дениске – сообщить читателю-сверстнику кое-что из духовного опыта взрослых современников. Однако это сообщение требует отдельного разговора ребенка со взрослым, уже за пределами прочитанного текста, либо повзрелости читателя.

Рассказ, приоткрывающий тему лагерного труда в детской литературе, был опубликован, когда сыну писателя Денису было почти двенадцать лет. Этот возраст и уровень проблематики в рассказе соотносятся с психологическими открытиями Л.Н. Толстого: в повести «Отрочество» в сознание двенадцатилетнего мальчика входят социальные противоречия, прежде всего деление мира на богатых и бедных: «Вы богаты – мы бедны: эти слова и понятия, связанные с ними, показались мне необыкновенно странны. Бедными, по моим тогдашним понятиям, могли быть только нищие и мужики, и это понятие бедности я никак не мог соединить в своем воображении с грациозной, хорошенькой Катей. Мне каза-

лось, что Мими и Катенька ежели всегда жили, то всегда и будут жить с нами и делить все поровну. Иначе и быть не могло. Теперь же тысячи новых, неясных мыслей, касательно одинокого положения их, зароились в моей голове, **и мне стало так совестно, что мы богаты, а они бедны, что я покраснел...**» [Толстой, с. 14]. В двенадцать лет ребенок становится подростком и ему открывается социальный мир с его контрастами.

Так, в небольшом рассказе В.Ю. Драгунский выстраивает систему лейтмотивов, функционирование которых в произведении позволяет расширить рамки детской литературы, ввести новые темы. Читателя-ребенка, безусловно, притягивает именно фабульная основа – прыжок Дениски с вышки. Но автор в сильной позиции текста акцентирует внимание читателя на лейтмотиве, связанном с темой лагерного труда, о котором повествует голосом ребенка. Дениска, в отличие от своих товарищей Кости и Мишки, настойчиво слышит, как «рабочие дробят камень» и звон серебряных молоточков, которые, словно воплощаясь в некую «историческую совесть», обнаруживают основной конфликт произведения: между глухотой и потребностью услышать.

Рассказ «Тайное становится явным» относится к ранним произведениям, опубликованным еще до выхода первого детского сборника. Он появился в авторском сборнике «Железный характер» 1960 г. (серия «Библиотечка Крокодила») [Драгунский, 1960], обозначив, наряду с другими рассказами брошюры, установку на взрослую адресацию рассказа, вписывая его в определенную культурную и эстетическую парадигму, необычную для детской литературы «оттепельного» периода.

Заглавие отсылает читателя к Евангелию от Марка (гл. 4, ст. 22) и от Луки (гл. 8, ст. 17) [Новый Завет, с. 100, 173]: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы». Эти слова произносит Иисус в притче о сеятеле. Библейский мотив, имплицитно представленный в произведении, позволяет отнести сам рассказ к жанровой форме притчи. При этом конкретный план изображения традиционно для детской литературы доминирует. А универсальный – эксплицитно представлен в заглавии: в рассказе изречение произносит мама Дениски. Ситуация этического выбора поступка персонажем и оценки этого выбора рассказчиком и читателем, являясь семантическим ядром жанра, представлена В.Ю. Драгунским в свете библейской притчи. На первый же взгляд может показаться, что проблема детской лжи решается в традиционном психолого-педагогическом ключе, является банальным родительским наставлением. Благодаря заголовку именно Библия становится источником нравственной силы и правды в рассказанной от лица мальчика истории. Детский рассказ воспринимается как традиционная история, в центре которой – испытание героя (т.е. последствия сделанного им выбора). Все элементы притчи здесь сильно трагестированы: испытанием для Дениски является завтрак с манной кашей, а этический выбор осуществляется почти механически: «и я, наверно, потерял сознание, пото-

му что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу» [Драгунский, 1960 с. 31].

Вариант рассказа, опубликованный в «крокодильской» брошюре, существенно отличается от других прижизненных версий. В этом издании рассказ-притча строится по принципу «параболы». Сюжет развивается циклически и строится на взаимосвязи и взаимодействии двух планов – детского и взрослого. Приведем фрагмент экспозиции, отсутствующий во всех детских сборниках:

Вчера вечером папа сказал маме:

– А нашего Николая Пальгича-то сняли!

– Ну да, – сказала мама, – вот так фунт! А за что?

– Брал, – сказал папа.

Мама всплеснула руками, хотя папа не успел нам объяснить, что же такое брал Николай Павлович и, главное, откуда его сняли. Правда, я-то сразу догадался, что он, наверно, полез на шкаф брать варенье, застрял там и его пришлось оттуда снимать.

– Ну и хорошо, что сняли! – сказала мама. – Я всегда чувствовала, что он грязный и только притворяется честным парнем! Но недаром говорится: тайное всегда станет явным! [Там же, с. 30].

В экспозиции последующих версий рассказа фрагмент, предназначенный для взрослой аудитории, отсутствует. Начало звучит так:

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

–...Тайное всегда становится явным [Драгунский, 1971, с. 8].

Интересно, что эпизод с «Николаем Павловичем» может быть «правильно прочитан» только взрослым читателем, а значит, крылатое выражение «тайное становится явным» адресовано не только ребенку. С другой стороны, в отношении мамы Дениски к поступку Николая Павловича чувствуется авторская ирония: «Я всегда чувствовала, что он грязный и только притворяется честным парнем». Предложение содержит штампы: стилистические, не характерные для писателя и, возможно, этические. Взрослым читателем 60-х годов эпизод мог быть прочитан двояко: мама выражает своё искреннее отношение или же реагирует на новость в общепринятой, идеологически «правильной» манере. Однако при анализе возрастной адресации рассказа мы исходим из того, что данный эпизод появляется единственный раз и является одной из «кривых» «параболы».

Так, библейский мотив организует жанровую природу детского рассказа, который строится по канону притчи, адресованной взрослому и ребенку одновременно.

В рассказах для детей В.Ю. Драгунского лейтмотивы не только семантически осложняют повествование, расширяя границы смыслового содержания, моделируют жанровую форму, но вводят взрослого адреса-

та в качестве полноценного фигуранта художественной коммуникации. При этом взрослый адресат дифференцирован в обоих произведениях: в рассказе «Рабочие дробят камень» это современник писателя, в рассказе «Тайное становится явным» речь идет о более общей взрослой адресации. Сложность возрастной адресации состоит также в том, что лейтмотив становится средством, передающим своеобразное этическое «послание» от взрослого – к ребенку, от отца – к сыну.

Примечания

¹ Благодарим К.В. Драгунскую, дочь писателя, за предоставленные материалы из домашнего архива.

² Л.З. Копелев посвятил статью под названием «Добрый свет» сборнику В.Ю. Драгунского «Девочка на шаре» (М.: Детская литература, 1964), которая сохранилась в его архиве // РГАЛИ. Ф. 2549, оп. 1, ед. хр. 46.

³ Подробнее об этом см. [Пичугина, с. 248 – 257].

Литература

Драгунский В. Ю. Железный характер: рассказы и фельетоны / рис. Б. Савкова. М., 1960. (Б-ка «Крокодила», № 26).

Драгунский В. Ю. Рабочие дробят камень // Лит. газета. 1965. 27 июля.

Драгунский В. Ю. На Садовой большое движение. М., 1971.

Копелев Л.З., Орлова Р.Д. Мы жили в Москве. 1956 – 1980. М., 1990.

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М., 1999.

Пичугина О.О. Культурно-исторические и топонимические реалии в системе художественной коммуникации в рассказах В.Ю. Драгунского для детей // Материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. «Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения», посвященной 70-летию со дня героической гибели А.П. Гайдара и 45-летию присвоения институту его имени. Арзамас, 26 – 28 октября 2011 г. Арзамас, 2012.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 2. М., 1935.

Федоров Н.А. ДМИТЛАГ. Из Истории строительства канала Москва – Волга [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moskva-volga.ru/prochee/vospominaniya.html?id=76> (дата обращения: 17 сент. 2012).

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 10. М., 2008.